

Стояла теплая весенняя ночь, когда кто-то постучал кулаком в дверь — так сильно, что аж петли погнулись.

Мужчина открыл и выглянул на улицу. Ночь была пасмурная, от реки поднимался туман. С тем же успехом можно было пытаться что-то разглядеть сквозь белый бархат. Позже он вспоминал, что будто бы видел в тумане чьи-то неясные фигуры — как раз за границей света, льющегося из двери на мостовую. Множество фигур, которые внимательно за ним наблюдали. Кажется, он заметил смутные светящиеся точки...

Фигура напротив него, впрочем, была вполне определенной. Крупная, темно-красная, как будто вылепленная ребенком из глины. Глаза у нее горели, как два уголька.

— Ну и зачем ты ко мне явился посреди ночи?

Голем протянул ему табличку, на которой значилось:

МЫ СЛЫШАЛИ, ТЕБЕ НУЖЕН ГОЛЕМ.

Ах да, точно, големы ведь не разговаривают.

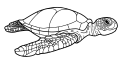
— Ха. Нужен? Еще как. По карману? Если бы. Я наводил справки, но за вас нынче три шкуры дерут...

Голем стер слова с таблички и написал:

ДЛЯ ТЕБЯ — СТО ДОЛЛАРОВ.

— Это за тебя столько?

НЕТ.

Голем посторонился, и на свет вышла другая фигура.

Это, несомненно, тоже был голем. Но не один из тех глиняных работяг, что иногда встречаются на улицах. Он сиял, будто отполированная статуя, безукоризненный во всем, вплоть до мелких деталей одежды. При взгляде на него вспоминались старинные картины, изображающие городских королей, с этими их горделивыми позами и царственными прическами. Даже на голове у него была вылеплена небольшая корона.

— Сто долларов? — подозрительно спросил человек. — Что с ним не так? Кто его продает?

ВСЕ ТАК. ОН САМО СОВЕРШЕНСТВО. ДЕВЯНОСТО ДОЛЛАРОВ.

— Кажется, кто-то хочет поскорее от него избавиться...

ГОЛЕМ ДОЛЖЕН РАБОТАТЬ. ГОЛЕМУ НУЖЕН ХОЗЯИН.

— Да, да, верно, но всякое поговаривают... Мол, они могут свихнуться и начать работать без остановки, и все такое.

НЕ СВИХНУЛСЯ. ВОСЕМЬДЕСЯТ ДОЛЛАРОВ.

— На вид новехонький, — сказал человек, постукав по сияющей груди. — Но големов больше не производят, потому и стоят они столько, что скромным дельцам о них остается только мечтать... — Он осекся. — Их что, снова кто-то делает?

ВОСЕМЬДЕСЯТ ДОЛЛАРОВ.

— Слышал я, священники уже несколько лет как эту лавочку прикрыли. Если словят за таким, проблем не оберешься.

СЕМЬДЕСЯТ ДОЛЛАРОВ.

— Кто их делает?

ШЕСТЬДЕСЯТ ДОЛЛАРОВ.

— Он их продает Альбертсону? Или Спаджеру и Вильямсу? С ними и так трудно тягаться, так они еще денег скопили, чтоб фабрику новую отгрохать...

ПЯТЬДЕСЯТ ДОЛЛАРОВ.

Человек обошел голема.

— Я это всё к чему: нельзя же сидеть и смотреть, как твоя компания схлопывается на глазах, потому что кое-кто занижает цены...

СОРОК ДОЛЛАРОВ.

— Религия религией, но святые отцы — плохие дельцы, а? Хм... — Он поднял взгляд на бесформенного голема, стоящего в тени. — Ты что, только что написал «тридцать долларов»?

ДА.

— Всегда любил оптовые цены. Погоди-ка минутку.

Он зашел в дом и вернулся с пригоршней монет.

— А с теми подонками ты тоже будешь торговать?

НЕТ.

— Хорошо. Передай своему боссу, что с ним приятно иметь дело. Проходи, весельчак!

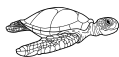
Белый голем зашел в здание фабрики. Человек огляделся, шмыгнул за ним и захлопнул дверь.

В темноте зашевелились тени. Раздалось еле слышное шипение. Потом крупные тяжелые фигуры, слегка покачиваясь, направились прочь.

Немного погода попрошайка, который стоял за углом, протягивая руку в надежде на милостыню, с изумлением обнаружил, что неожиданно стал богаче на целых тридцать долларов¹.

В сверкающих декорациях космоса вращался диск Плоского мира, совершая неспешные обороты на спи-

¹ Вскоре после этого он вусмерть напился, и его обманом завлекли на торговое судно, направляющееся в далекие дивные края, где он встретил множество юных девиц, не слишком обремененных одеждой. Позже он скончался, наступив тигру на хвост. Недаром говорят: делай добро и бросай его в воду!

нах четырех огромных слонов, что опирались на панцирь Великого А'Туина, звездной черепахи. Медленно плыли сквозь пространство континенты, а над ними, закручиваясь в другом направлении, плавно вальсировали циклоны и антициклоны, словно пары в бальном зале, движущиеся против общего потока. Триллионы тонн географии неторопливо катились по небу.

На штуки вроде географии и метеорологии люди смотрят свысока, и не только потому, что первая у них под ногами, а из-за второй они промокают до нитки. Дело в том, что ни одна из них не похожа на настоящую науку¹. Но если география — это просто заторможенная физика, из которой там и сям торчат деревья, то метеорология преисполнена изысканного хаоса и восхитительной сложности. Взять, например, лето. Это не только время, но и место. А еще лето — живое существо, и зимой оно отправляется на юг.

Даже в Плоском мире, с его крошечным солнцем, вращающимся по орбите, времена года сменяли друг друга. В Анк-Морпорке, величайшем из городов, лето отпихивало локтем весну, а потом получало тычок в спину от осени. С точки зрения географии особых изменений это в городе не вызывало, хотя поздней весной грязная пена на реке окрашивалась в приятный изумрудный оттенок. Весенняя дымка превращалась в осенний туман, который смешивался с дымом и парами из магического квартала и алхимических мастерских, пока не начинал жить собственной жизнью, густой и удушливой.

И время двигалось вперед.

Осенний туман жался к темным оконным стеклам. Струйка крови бежала по страницам редкого сборника религиозных трактатов, разорванного пополам.

¹ То есть на такую, которая позволяет отрастить кому-нибудь три лишние ноги, а потом взорвать все это к чертям.

Можно было без этого обойтись, подумал отец Трубчек.

Потом пришла мысль, что и без удара по его голове в общем-то можно было обойтись. Но отца Трубчека никогда особо не заботили подобные вещи. Люди исцелялись, книги — нет. Дрожащими руками он попробовал собрать страницы, но снова рухнул на спину.

Комната вращалась.

Дверь распахнулась. Половицы заскрипели под тяжелыми шагами. Вернее, под шагами, которые пережегались шарканьем.

Топ. Шарк. Топ. Шарк.

Отец Трубчек попытался сосредоточиться.

— Ты? — прохрипел он.

Кивок.

— Собери... эти... книги.

Книги подняли с пола и аккуратно сложили в стопку — пальцами, не слишком приспособленными для этого дела. Новоприбывший извлек из кучи хлама перо, что-то написал на клочке бумаги, свернул его и бережно вложил отцу Трубчеку в рот.

Умиравший священник выдавил улыбку.

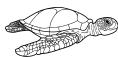
— Мы устроены иначе, — пробормотал он, и свернутая бумажка, зажатая между губ, задрожала, как последняя сигарета перед казнью. — Мы сами... придумываем... свои... с...

Гость, стоя на коленях, какое-то время смотрел на него, а потом с величайшей осторожностью медленно наклонился и закрыл ему глаза.

Сэр Сэмюэль Ваймс, командор Городской Стражи Анк-Морпорка, хмуро посмотрел на свое отражение в зеркале и начал бриться.

Лезвие бритвы было для него освободительным мечом. Бритье — актом протеста.

Теперь для него постоянно набирали ванну (каждый день! и не подумаешь, что человеческая кожа спо-

собна такое выдержать). Раскладывали одежду (и что это была за одежда!). Готовили еду (да какую! он чувствовал, как с каждым днем набирает вес). И даже начищали ему башмаки (о, эти башмаки! не развалюхи с картонной подошвой, а солидные, сидящие аккуратно по ноге, из сияющей натуральной кожи). Почти все за него делал кто-то другой, но есть вещи, с которыми мужчина должен справляться сам, и одна из таких вещей — бритве.

Он знал, что леди Сибила относится к этому с легким неодобрением. Ее отец никогда в жизни не брился самостоятельно — у него для этого был специальный человек. Ваймс возражал на это, что слишком много лет таскался по ночным улицам и не испытывает восторга, когда кто-то машет лезвием возле его горла, но *истинная, негласная* причина заключалась в том, что ему была ненавистна сама идея разделения на тех, кого бреют, и тех, кто бреет. На тех, кто ходит в сверкающих башмаках, и тех, кто счищает с них грязь. Каждый раз, когда Ваймс наблюдал, как Вилликинс, дворецкий, складывает его одежду, он с трудом подавлял желание пнуть его лоснящийся зад, сам по себе оскорбляющий человеческое достоинство.

Лезвие неспешно скребло по выросшей за ночь щетине. Накануне Ваймс был на очередном званом ужине. Вспомнить, по какому случаю его устроили, уже не представлялось возможным. Кажется, он теперь всю жизнь проводил на таких ужинах. Бррр! Хихикающие дамы, жеманные молодые люди — те, что явно оказались в хвосте очереди, когда раздавали подбородки... И, как всегда, потом он отправился домой через окутанный туманом город, донельзя сердитый на самого себя.

Вернувшись, он заметил свет под дверью кухни, услышал голоса, смех и решил войти. Там был Вилликинс, и старик-истопник, и главный садовник, и мальчишка, который чистил ложки и разжигал ка-

мины. Они играли в карты. На столе стояли бутылки с пивом.

Он подвинул себе стул, отпустил пару шуточек и попросил, чтобы на него тоже раздали. Все были... приветливы. В определенном смысле. Но по мере игры Ваймс начал замечать, как мир вокруг него застывает и кристаллизуется. Он почувствовал себя шестерней, попавшей в песочные часы. Никто уже не смеялся. Все называли его «сэр» и прокашливались. Все вели себя очень... корректно.

Наконец он пробормотал извинение и встал из-за стола. Уже идя по коридору, он, кажется, услышал за спиной какое-то замечание, за которым последовал... ну, может быть, просто смех. Но не исключено, что это был *смешок*.

Лезвие аккуратно описывало полукружия возле носа.

Хе. Пару лет назад человек вроде Вилликинса пустил бы его на кухню только из снисхождения. И заставил бы разуться.

Так вот кто ты теперь такой, командор Сэмюэль Ваймс, сэр. Для больших шишек — выскочка, для всех остальных — большая шишка.

Он снова нахмурился, глядя на свое отражение.

Да, он и правда начинал на самом дне. А теперь у него было трехразовое питание, добротные башмаки, теплая постель и, если уж на то пошло, жена, верная подруга Сибила. Правда, в последние дни она слишком уж часто заводила разговор о шторах, но сержант Колон уверял, что такое случается с женами, это биологически обусловлено и вообще в порядке вещей.

По правде говоря, Ваймс был довольно сильно привязан к своим старым дешевым башмакам. В них он чувствовал улицу. Подошвы у них были настолько тонкие, что даже в непроглядной ночи он мог определить, в каком районе находится, сделав несколько шагов по мостовой. Ох, ладно...

В зеркале для бритья, которым пользовался Сэм Ваймс, было что-то неуловимо странное. Благодаря легкому изгибу оно лучше отражало комнату, чем плоское зеркало, и в нем неплохо просматривались постройки и сады за окном.

Хм-м. Редущая макушка. Явные залысины на лбу. Меньше придется расчесываться — но, с другой стороны, больше умываться...

В отражении что-то сверкнуло.

Он сделал шаг в сторону и пригнулся.

Зеркало разлетелось вдребезги.

Где-то за разбитым окном застучали шаги, а потом раздался грохот и крик.

Ваймс выпрямился. Выудил из кучи осколков самый крупный, прислонил его к черной арбалетной стреле, вонзившейся в стену, и продолжил бриться.

Закончив, он позвонил в колокольчик, чтобы вызвать дворецкого. Рядом тут же материализовался Вилликинс.

— Сэр?

Ваймс сполоснул лезвие.

— Скажи-ка мальчишке, чтобы сбегал к стекольщику.

Дворецкий взглянул на окно и перевел глаза на разбитое зеркало.

— Да, сэр. Счет снова отправить в Гильдию Убийц, сэр?

— С моими наилучшими пожеланиями. И, пока бегаает, пусть заглянет в лавку на Пяти-Семидворье и принесет мне новое зеркало для бритья. Тамошний гном знает, какие мне нравятся.

— Да, сэр. И я тотчас же вернусь с щеткой и со вком, сэр. Уведомить ли ее светлость об этом происшествии, сэр?

— Не надо. Она всегда говорит, что я их сам подначаю.

— Хорошо, сэра, — сказал Вилликинс.

Он дематериализовался.

Вытершись, Сэм Ваймс спустился в малую гостиную, открыл шкаф и достал оттуда новенький арбалет — свадебный подарок от Сибиллы. Сэм Ваймс привык к старым арбалетам Стражи, у которых была премерзкая привычка выстреливать прямо во владельца, когда тот оказывался в тесном углу, но этот, с промасленной ореховой рукоятью, был сделан на заказ компанией «Коренной и Рукисила». Говорили, что лучше не бывает. Потом он извлек из пачки тонкую сигару и неспешно направился в сад.

Из драконьего сарая доносился шум. Ваймс зашел внутрь, закрыл за собой дверь и приставил к ней арбалет.

Скулеж и визг усилились. Над толстыми стенами загонов заплясали язычки пламени. Ваймс склонился над ближайшим загоном, поднял свежевывлупившего дракончика и пощекотал его под подбородком. Когда тот от возбуждения выпустил струйку огня, Ваймс зажег от неё сигару и посмаковал дым.

Он выдул колечко в сторону фигуры, висящей под потолком.

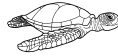
— Доброе утро, — сказал он.

Фигура лихорадочно задергалась. Каким-то непостижимым мышечным усилием ей удалось в полете зацепиться ногой за балку, но подтянуться уже не выходило. О падении не могло быть и речи. Внизу взволнованно подпрыгивала и плевалась огнем дюжина маленьких дракончиков.

— Э-э... доброе утро, — поздоровалась фигура.

— На улице снова прояснилось, — сказал Ваймс и потянулся к ведерку с углем. — Хотя, думаю, туман еще вернется.

Он бросил дракончикам маленький уголек. Тут же завязалась потасовка.

Ваймс достал еще угля. Юный дракон, ухвативший предыдущий кусочек, выдохнул заметно более длинный и жаркий сполох.

— Полагаю, — сказал молодой человек, — вас бесполезно убеждать спустить меня вниз?

Другой дракончик поймал уголь и изрыгнул огненный шар.

Молодой человек отчаянно качнулся, чтобы от него уклониться.

— Угадай, — сказал Ваймс.

— По здравом размышлении я прихожу к выводу, что с моей стороны было глупо залезать на крышу.

— Возможно, — сказал Ваймс. Несколько недель назад он провел не один час, подпиливая балки и аккуратно расшатывая черепицу.

— Стоило спрыгнуть со стены и укрыться в кустах.

— Вероятно, — сказал Ваймс. В кустах он поставил медвежий капкан.

Он зачерпнул еще угля.

— Я так понимаю, ты не расскажешь, кто тебя нанял?

— Боюсь, что нет, сэр. Вы же знаете правила.

Ваймс мрачно кивнул.

— На той неделе мы привели на суд к патрицию сына леди Силачии, — сказал он. — Этому юнцу не помешало бы усвоить, что «нет» значит «нет», а не «да, пожалуйста».

— Не исключено, сэр.

— А еще этот сынишка лорда Ржава. Видишь ли, нельзя стрелять в слуг за то, что они перепутали местами твои туфли. Иначе начнется форменный бардак. Пускай учится отличать правую сторону от левой, как все люди. И правую от неправой.

— Да, сэр, я слышу.

— Кажется, мы зашли в тупик, — заметил Ваймс.

— Похоже на то, сэр.

Ваймс прицелился и бросил кусок угля бронзово-зеленому дракончику, который ловко его поймал. Жар становился все сильнее.

— Чего я не понимаю, — сказал он, — так это почему почти вся ваша братия пытается меня достать или дома, или в конторе. Я же, в конце концов, все время брожу по городу. Могли бы пристрелить меня на улице, разве нет?

— Что, сэр? Как какие-то обычные головорезы?

Ваймс кивнул. У Гильдии Убийц были свои представления о чести — пускай смутные и извращенные.

— И сколько за меня просят?

— Двадцать тысяч, сэр.

— Могли бы и поднять цену, — заметил Ваймс.

— Совершенно согласен.

«Если он вернется в гильдию — так и будет», — подумал Ваймс. Убийцы всегда высоко ценили собственную жизнь.

— Давай-ка прикинем, — сказал Ваймс, изучая кончик сигары. — Гильдия забирает пятьдесят процентов. Остается десять тысяч долларов.

Убийца, судя по всему, обдумал это, затем потянулся к поясу и довольно-таки неуклюже кинул Ваймсу кошель. Тот поймал его на лету.

Потом Ваймс поднял арбалет.

— Сдается мне, — сказал он, — что если кого-то вдруг решат отпустить из сарая, у него есть все шансы добраться до двери, отделавшись несколькими легкими ожогами. Если этот кто-то окажется проворным. Насколько ты проворен?

Ответа не последовало.

— Конечно, этому кому-то нужно *очень* хотеть выжить, — продолжил Ваймс, устанавливая арбалет на столик для кормления и доставая из кармана кусок бечевки. Он привязал один конец бечевки к гвоздю, а другой закрепил на тетиве. А потом осторожно шагнул в сторону и нажал на спуск.